

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

DOI: 10.17805/zpu.2025.1.1

«Перестройка» как заговор. «Товарищ» Э. Шеварднадзе

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Статья посвящена роли министра иностранных дел СССР в правительстве М. С. Горбачева в развале Советского Союза. Оценивая эту роль, президент Московского гуманитарного университета И. М. Ильинский исходит из своей концепции «перестройки как заговора». Он показывает, какую роль сыграл Шеварднадзе в осуществлении беспрецедентных уступок Западу (прежде всего США), на которые пошел СССР в конце 1980-х гг. и которые в значительной степени подорвали военно-политический баланс между двумя великими державами того времени и нанесли непоправимый ущерб национальным интересам и обороноспособности нашей страны. При этом автор опирается в том числе на важные источники по этой теме американских авторов — С. Тэлботта и М. Бешлосса.

Ключевые слова: СССР; США; внешняя политика; перестройка; Горбачев; Шеварднадзе

Читая книги зарубежных авторов о «перестройке» (того же Дж. Мэтлока), постепенно ловишь себя на мысли о том, что начинаешь воспринимать события и факты в логике и окраске, которые подают им эти люди.

Вот Дж. Мэтлок... В своей книге «Смерть империи» он по разным поводам часто касается Шеварднадзе, и во всех случаях этот человек в его глазах — «один из главных демократов», «активный проводник “нового мышления”», «страстный сторонник союза с США», «поборник идеи объединения Германий» и т. д.

Одна из глав книги Мэтлока посвящена исключительно деятельности Шеварднадзе, который «добился великолепного успеха в решении внешнеполитических задач перестройки» (Мэтлок, 2003).

С затаенным дыханием Мэтлок рассказывает о том, как 20 декабря 1990 г. на Четвертом съезде народных депутатов Шеварднадзе с трибуны съезда бросил в зал свою «бомбу»: «Демократы, скажу без околичностей... Идет диктатура — заявляю об этом с полной ответственностью. Никто не знает, что это будет за диктатура и кто придет, или что это будет за режим. Хочу сделать следующее заявление: я ухожу в отставку... Пусть это будет мой вклад, если хотите, мой протест против начала диктатуры» (там же: 357–258).

В глазах Мэтлока Шеварднадзе — герой, жертва внутривластных интриг и... как ни странно это звучит... предательства Горбачева.

В своих мемуарах Шеварднадзе пишет: «Дважды партийная организация Министерства обороны обращалась к Горбачеву с просьбой возбудить судебное дело против меня по статье “государственная измена”» (Шеварднадзе, 2009).

Но если бы общество знало больше, чем ему сообщали СМИ, то, вероятней всего, такой суд состоялся бы, поскольку вся совместная внешняя политика Горбачева и Шеварднадзе была сплошной чередой мелких и крупных предательств.

Шеварднадзе начинал с «малого» — с информирования своего коллеги — секретаря Госдепартамента США Бейкера о внутренней политике и внутренних проблемах Советского Союза, что прежде по установившимся в МИД СССР традициям категорически запрещалось, **приравнивалось к государственной измене**. Это естественно, ибо внешняя политика, так или иначе, в целом определяется состоянием дел внутри страны. На получение достоверной информации такого рода иностранные посольства и спецслужбы во все века тратили и тратят огромные усилия и средства.

Шеварднадзе самовольно отбросил этот запрет.

Вот что рассказывают об этом в своей книге «Измена в Кремле: протоколы тайных соглашений Горбачева с американцами» Майкл Бешлосс и Струоб Тэлботт¹.

«10 мая 1989 г. Шеварднадзе пригласил Д. Бейкера с женой на ужин к себе домой, в московскую квартиру. <...>

Нанули Шеварднадзе показала Бейкерам дом. Ее гостей поразило, что она открыто выступала за независимость своей родины — “Грузия должна быть свободной”, — говорила она» (Бешлосс, Тэлботт, 2010: 51).

Шеварднадзе принялся «в мельчайших подробностях описывать хаос, царивший в “перестроечной” экономике 1989 г.: мастера по ремонту требуют, чтобы с ними расплачивались водкой; таксисты вместо денег просят иностранные сигареты; государственные цены на хлеб такие низкие, что его скармливают свиньям; зерно гниет на полях. Он признал, что Горбачев и его коллеги **недооценили** некоторые проблемы, а за другие **взялись не с того конца**.

Бейкер был потрясен: с его точки зрения (как бывшего министра финансов США), одно не вызывало сомнений — Советскому Союзу не миновать денежной и ценовой реформ, причем провести их надо быстро» (там же: 51).

«Бейкер предложил наладить официальный канал для “обмена” информацией и аналитическими материалами о внутренних событиях в обеих странах между подведомственными министерствами. На самом же деле таким образом Бейкер предлагал способ, воспользовавшись которым Советы могли, не потеряв лица, получить от Соединенных Штатов **рекомендации по проведению экономической реформы**» (там же: 52).

«В конце июля 1989 г. Шеварднадзе и Бейкер находились в Париже для участия в конференции девятнадцати стран по прекращению гражданской войны в Камбодже. <...> В субботу, 29 июля, Шеварднадзе принял Бейкера к обеду в резиденции советского посла во Франции. <...>

Как и в мае, Шеварднадзе два часа рассказывал о внутренних проблемах своей страны. Он говорил о том, что Горбачеву приходится преодолевать не только межнациональный, но и экономический кризис.

К примеру, в Сибири в начале июля забастовали шахтеры, требуя повышения зарплаты, улучшения жилищных условий и расширения ассортимента потребительских товаров. Вскоре забастовка перекинулась на Украину. Горбачев начал

переговоры с шахтерами. Но недовольство советского народа растет день ото дня, причем это относится не только к национальным меньшинствам на периферии Советского Союза, но и к этническим группам русских в центре России...» (там же: 60).

«То, что происходит в Советском Союзе, **“настоящая революция”**, и во главе ее стоит Горбачев. Невзирая ни на что, Горбачев твердо намерен осуществить революцию **мирным путем**.

Шеварднадзе признался Бейкеру, что с того момента, как советские войска разогнали апрельскую демонстрацию в Тбилиси, у него сформировался “комплекс” по поводу национальной проблемы в Советском Союзе — в любой момент может начаться кровопролитие. Затем он высказал мысль, которую при последующих встречах с Бейкером повторял почти всякий раз.

— **Если мы применим силу, это будет означать конец перестройки.** Мы потерпим крах. Это будет конец надеждам на будущее, конец всему, что мы пытаемся сделать, а именно **создать новую систему**, основанную на общечеловеческих ценностях. Применение силы будет означать торжество врагов перестройки. Мы окажемся ничуть не лучше своих предшественников. Пути назад нет» (там же: 62).

В конце сентября Шеварднадзе находился в Вашингтоне с визитом. После встречи с Бушем 22 сентября он вместе с Бейкером самолетом отправился на его ранчо в Вашингтоне. Там они два дня гуляли по парку, на реке Снейк ловили форель.

«В пятницу вечером к мужчинам присоединились жены, и они вместе поужинали свежей форелью и лососиной. В субботу они обедали в охотничьем домике на озере Джэксон, где им подали ребрышки и бифштекс из мяса буйвола; помощники Бейкера раздали всем соломенные шляпы, повязки и булавки с изображением вставшей на дыбы дикой лошади, а оркестр играл мелодии кантри и вестернов.

В уединении дома, затерянного в горах, два дипломата наконец взялись за дело — решение старой проблемы о контроле над ядерными вооружениями. Они обсуждали главный пункт повестки дня — СНВ, почти готовый договор об ограничении стратегических вооружений, который Буш унаследовал от Рейгана.

Шеварднадзе привез письмо от Горбачева на девяти страницах, в котором говорилось, что Советы готовы пойти на **новые уступки**. Уступки касались главным образом СОИ. С 1985 года Советы отказывались подписывать договор по СНВ до тех пор, пока Соединенные Штаты не подтвердят своей приверженности договору ОСВ-1 по противоракетной обороне, который, с точки зрения Советов, исключал СОИ. Но летом 1989 года ситуация изменилась: Советы втихую дебатировали, следует ли Кремлю настаивать на увязке СНВ с подтверждением приверженности ОСВ-1, что означало бы отказ от СОИ. Или же Советам следует заслужить благосклонность США, отступив и не настаивая на этом все еще горячем вопросе, и поверить, что Буш не даст им повода сожалеть об этом и не станет двигать вперед СОИ?

Шеварднадзе усиленно нажимал на то, чтобы идти этим путем. Его аппарат провел несколько закрытых семинаров, на которых ведущие советские ученые выступали за то, чтобы “отвязать” СНВ от СОИ. В числе этих ученых были физик-ядерщик Евгений Велихов и давний руководитель советской космической науки Роальд Сагдеев — обоих Горбачев высоко ценил. В столь специальном вопросе, как противоракетная оборона, этим ученым, стоявшим скорее на либеральных пози-

циях, было несложно взять в дискуссии верх над сторонниками жесткой линии из партийной и военной среды.

В письме, которое Шеварднадзе привез Бушу в сентябре 1989 года, Горбачев писал: “Давайте на время отложим наши концептуальные споры о том, укрепит ли размещение оружия в космосе... стратегическую стабильность или будет иметь противоположный эффект. Не надо этой проблемой осложнять и без того нелегкие переговоры”.

В Овальном кабинете Шеварднадзе сказал также Бушу, что Кремль мог бы демонтировать большую радарную станцию близ Красноярска, в Сибири, которая, по мнению американских экспертов, была создана в нарушение договора по ОСВ-1. Американские ястребы заявляли, что эта радарная станция указывает на постоянное и наглое мошенничество со стороны Советов, нарушающих договоры по контролю над вооружениями. Заявление Шеварднадзе о закрытии этой станции **равнялось признанию Советами своей вины** и являлось, как сказал Министр иностранных дел СССР Бушу, “политическим решением”.

Из слов Шеварднадзе явствовало, что Горбачев одержал верх над возражениями военных, хотя на самом деле **именно Шеварднадзе добился этих уступок** в Москве. Во время напряженных переговоров с администрацией Рейгана по контролю над вооружениями министр иностранных дел испытывал все возрастающее чувство огорчения и безысходности, наталкиваясь на чисто рефлекторную реакцию Министерства обороны и Генерального штаба блокировать почти любое изменение в позиции Советов на переговорах. И Шеварднадзе решил, что может **превысить свою власть и ускорить процесс принятия решения в Москве в обход генералов**.

Шеварднадзе видоизменил существовавшую практику и поручал теперь собственным экспертам по контролю над вооружениями **разрабатывать новые инициативы**, которые он затем предлагал американцам. После того как американцы принимали предложения Шеварднадзе, он представлял достигнутые результаты на одобрение Горбачеву и только уже потом знакомил с ними Генштаб и Министра обороны СССР. Поскольку этот гамбит срабатывал часто и успешно, Шеварднадзе терпеть не могли советские военные высших эшелонов власти.

Вот так же смело, основываясь на своих дружеских отношениях с Горбачевым, Шеварднадзе решил — как в частной беседе он сказал своим помощникам — “проколоть нарыв” радаром в Красноярске. Убеденный в том, что военные никогда не признают вину Советов в этом вопросе, он **сделал это по собственной инициативе...**

Во время бесед с Бейкером в охотничьем домике Шеварднадзе уделил внимание намеку в письме Горбачева на то, что СНВ и СОИ все-таки можно наконец-то разделить: Советский Союз готов подписать договор по СНВ без отдельного соглашения, ограничивающего для СССР оборону в космосе.

Сделав столь крупную уступку, Шеварднадзе предложил американцам в ответ согласиться на то, чтобы провести отдельные переговоры по тем аспектам Стратегической оборонной инициативы (СОИ), которые совместимы с договором ОСВ-1. Это было несколько видоизмененным предложением, слухи о котором Советы распространяли во времена рейгановской администрации.

Бейкер знал, что твердолобые сторонники СОИ, возглавляемые в правительстве вице-президентом Куэйлом, будут выступать против того, чтобы вести переговоры по какой-либо отдельной части программы. А посему он сказал Шеварднадзе: “Мы это уже видели, и мы это уже завернули”.

Шеварднадзе был разочарован. Уступки, на которые он пошел, не только не вызвали со стороны американцев желания проявить гибкость, но привели к тому, что американцы уперлись и не желали продвигаться вперед. Ему стало ясно, что Бейкер и его люди пришли к определенному выводу — надо-де сидеть спокойно, **класть в карман все, что предложит Кремль, и ждать новых предложений.**

Если Буш и Бейкер не были большими энтузиастами договора по ОСВ, рассматривая его как незавершенное наследие рейгановской администрации, то по договорам, которые они могли назвать своим детищем, они стремились достичь более быстрого прогресса. Одним из них был договор **о запрете химического оружия.**

Буш поручил заниматься этой проблемой Бейкеру, который предложил быстро заключить соглашение о сокращении существующих запасов химического оружия на 80%, пока будут идти переговоры по “последующему” договору, который сократит их еще больше.

Бейкер обсудил этот план с Шеварднадзе, и через три дня Шеварднадзе на заседании Генеральной Ассамблеи ООН призвал к немедленному уничтожению сверхдержавами своих запасов отравляющих газов и предложил запретить дальнейшее производство химического оружия. Бейкер был более чем когда-либо **восхищен Шеварднадзе:** “В противоположность многим дипломатам он поддается влиянию, уступая разумным доводам. Он тебя выслушает, примет нелегкое решение, а потом будет отстаивать его дома перед Горбачевым и военными”...

В последующие три недели Бейкер дважды публично протягивал руку Горбачеву. Выступая в среду, 4 октября, перед сенатской финансовой комиссией, он сказал, что советские реформы выглядят “многообещающе”. На той же неделе его помощник Роберт Зеллик полетел вместе с председателем Федеральной резервной системы США Аланом Гринспеном на пять дней в Москву, где они провели встречи с экономическими экспертами Горбачева, давая **рекомендации, как построить финансовую систему, ориентированную на свободный рынок**» (там же: 78–82).

«А в Москве Шеварднадзе впервые публично заявил, что советское **вторжение в Афганистан в 1979 году было нарушением общечеловеческих ценностей.** Шеварднадзе тщательно провел разграничительную линию между теми, **кто виноват**, и кто не виноват. Он отметил, что в декабре 1979 года, когда режим Брежнева начал вторжение, “М. С. Горбачев и я были кандидатами в члены Политбюро. Я узнал о том, что произошло, по радио и из газет. Решение, имевшее очень серьезные последствия для нашей страны, было **принято за спиной партии и народа.** Нас поставили перед свершившимся фактом”» (там же: 83).

Потрясающее резюме! Заговорщик и разрушитель страны, предающий ее интересы, жалуется своему главному противнику на бывшее начальство за то, что оно тогда опередило этого самого противника в геополитической игре за Афганистан — «мягкое подбрюшье» на юго-востоке Советского Союза!..

...Шеварднадзе имел кличку «Серебряный». Подразумевалось, что он — хитрый политик. На самом деле покойный был беспринципной личностью, менявшей свои взгляды согласно собственной выгоде. «Политическая проститутка», «хамелеон» — вот наиболее подходящие для него псевдонимы.

Всю свою жизнь Шеварднадзе бегал из одного политического лагеря в другой. Жестокий руководитель МВД, а потом Компартии Грузии с середины 1960-х до начала 1980-х.

В «перестроечный» период стал заядлым «демократом», третьим «посвященным» членом горбачевского заговора. Отказался от поста министра иностранных дел и сбежал от Горбачева.

Когда запахло жареным, сбежал на родину, умудрился стать президентом Грузии, чтобы через 11 лет быть смещенным с этого поста после инициированной президентом США «глобальной демократической революции»...

Вернулся к Горбачеву по его просьбе с гордо поднятой головой.

Однажды, когда я работал в Центральном комитете комсомола и оказался в Грузии по служебным делам, Шеварднадзе принял меня в сопровождении первого секретаря ЦК грузинского комсомола Джумбера Патиашвили. Шеварднадзе говорил меланхолично, словно бредил, тихо, вяло и довольно долго, а о чем — убей бог, не вспомню. Запомнились большие темные круги под глазами, рукопожатие пухлой и вязкой, словно тесто, ладони при встрече и прощании...

7 февраля 1991 г. Бейкер в очередной (бессчетный!) раз был в Москве. Говорили о Кубе. Шеварднадзе с досадой признался, что не одобряет помощь Советского Союза Фиделю Кастро. Обсуждали афганскую проблему. При одном воспоминании о Наджибулле, просоветском руководителе Афганистана, Шеварднадзе вспыхнул: «Иногда мне хочется, чтобы все они перестреляли друг друга, и конец!»

«Бейкер сообщил, что он и президент готовы расширить свои предложения по СНВ, сделанные в Вайоминге. Он перечислил ряд мелких уступок по ограничению крылатых ракет воздушного базирования и по некоторым другим техническим вопросам.

— Вы выдвинули **чрезвычайно позитивные предложения**, — ответил Шеварднадзе. — Наши эксперты их рассмотрят. Тогда мы вынесем суждение. Они будут работать всю ночь. **Важно, чтобы все это осталось позади.**

Контроль над вооружениями, когда-то находившийся в центре внимания советско-американской дипломатии, в глазах Шеварднадзе **сейчас “превратился в нечто второстепенное”**.

Бейкер отметил перемены, происшедшие в Восточной Европе после встречи на Мальте. Из Москвы он собирался направиться в Румынию и Болгарию.

— Хорошая мысль, — сказал Шеварднадзе. — Это вдохновит реформаторов этих стран. Я пробыл там тридцать шесть часов и думаю, будет полезно, если и вы там побываете. Мы бы хотели узнать о ваших впечатлениях.

Это был поразительный диалог. Государственный секретарь Соединенных Штатов и Министр иностранных дел Советского Союза пытались скоординировать усилия, **чтобы вывести Восточную Европу из-под контроля Советов!** — замечают авторы книги «Измена в Кремле» (там же: 69). Все послевоенные годы внешняя политика СССР была направлена на то, чтобы вытеснить США из Европы, по крайней мере Восточной, подальше от социалистических стран — Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии. Ибо в результате работы американских спецслужб в этих странах возникали политические конфликты: то в Венгрии, то в Чехословакии, то в Польше. Это была зона влияния Советского Союза. И вот на тебе: министр иностранных дел СССР меняет вектор политики своей страны на 180 градусов.

«Вечером, 8 февраля, чета Шеварднадзе в очередной раз принимала Бейкеров в своей московской квартире. За ужином (вновь были поданы грузинские блюда)

Шеварднадзе признался Бейкеру, что ухудшение дел в советской экономике представляет собой **серьезную угрозу для выживания Горбачева**. Однако, сказал он, главная внутренняя опасность заключается не в экономике, а в обострении **национальной проблемы и межнациональных конфликтов**.

Бейкер слышал об усилении антисемитизма в Советском Союзе. В январе с криками “бей жидов!” кучка головорезов избила нескольких делегатов на встрече либеральных писателей, а русские ультранационалисты жаловались, что под предлогом гласности “еврейский заговор” превращает Россию в “робота, лишенного человеческого облика”» (там же: 69).

1 июня 1990 г. по поручению Горбачева Шеварднадзе подписал с Бейкером в Вашингтоне Договор по разграничению водного пространства между СССР и США в Беринговом и Чукотском морях. По сути это был щедрый «дружеский» подарок: от экономической зоны СССР в пользу США отошло около 50 тыс. квадратных километров акватории Тихого океана, сказочно богатых рыбными ресурсами, нефтью и газом, железомарганцевых конкреций на дне океана. Запасы нефтегазоносного сырья здесь, по оценкам специалистов, превышают в сумме самые крупные из открытых месторождений нефти в Кувейте, запасы газа — более 200 млрд кубометров. Финансовые потери России от этой «уступки» уже составили миллиарды долларов, а в перспективе, когда разработки нефти и газа в этой зоне станут необходимыми и возможными, трудно даже оценить.

Поначалу американцы даже не верили, что им «отломилась» территория в четверть Аляски. Александр II Аляску продал САСШ по дешевке за 7,2 млн долл. А тут — задаром, за здорово живешь! Сенат США тут же ратифицировал Договор «Шеварднадзе — Бейкер».

Верховный Совет СССР, а затем (дважды) Государственная Дума РФ отказались от ратификации этого договора. Дело в том, что Шеварднадзе не имел полномочий на его подписание. В соответствии с Конституцией СССР определение государственной границы СССР относилось к исключительному ведению Съезда народных депутатов СССР. Тем не менее содержание этого договора, подписанного в «эпоху гласности», было скрыто от законодательных органов и от народа. Лишь мимоходом в газете «Правда» сообщалось, что в Вашингтоне подписано «соглашение о разграничении морских пространств». О том, в чем заключалось содержание и суть этого «соглашения», не было сказано ни слова. Российские рыбаки об этом «соглашении» узнали, как говорят юристы, «де-факто»: после того, как американцы стали задерживать и штрафовать их рыболовные суда, пересекающие «линию Шеварднадзе» даже на 10 метров, даже в буферной зоне. Между тем в «договоре» есть ошибки, не согласующиеся с лексикой и нормами международного права. Но на практике действует право силы.

Одним словом, подписав, не имея на то законных полномочий, названный договор, Шеварднадзе нанес колоссальный ущерб экономике СССР. Согласно его представлениям, он строил «Мост дружбы» между СССР и США. Как можно было решиться на такой опрометчивый шаг? По наивности? Но это качество недопустимо для политика, а главное: наивность не была присуща Шеварднадзе. Это было очередное предательство. «Линия предательства Шеварднадзе» — так и зовут ее рыбаки, пограничники и простые люди Дальнего Востока.

Предательские «уступки» и соглашения Шеварднадзе можно перечислять долго. Но надо знать при этом, что в первую очередь за внешнюю политику в СССР от-

вечал Яковлев как руководитель Комиссии ЦК КПСС по международным отношениям, не говоря уж о главе государства — Президенте СССР Горбачеве.

В конце концов, можно сказать, что Шеварднадзе был лишь исполнителем их воли. В нормальном обществе и нормальной системе управления государством это так и есть, так и быть должно. Но не забудем: мы говорим о Заговоре, во главе которого стояли три этих человека. Чтобы управлять немислимо огромным объемом работы, Горбачев не мог «замкнуть» на себя решение буквально всех вопросов во всех сферах деятельности. Сверхцентрализация ведет к ошибкам в принятии решений, к завалам делами «первого человека» во власти и, следовательно, к торможению темпов развития процессов. В этом случае Горбачев был вынужден наделять своих «приспешников» более широкими правами в принятии решений, полагаясь на единство их взглядов, порождающих единодействие. Другого выхода не было. Вот почему Шеварднадзе в подготовке особо сложных вопросов обходил тех должностных лиц, которые должны были готовить проекты решений, и поручал эту работу подчиненным ему сотрудникам МИДа, согласовывал их с американцами, подсовывал документ на подпись Горбачеву и лишь потом ставил в известность наиболее заинтересованных лиц и ответственных лиц, как это было с военными, Министерством обороны, Генштабом. Они возмущались, обращались к Горбачеву и даже в суд. Но — поезд уже ушел. Дело сделано...

Что могу сказать о Шеварднадзе я, пишущий эти строки, встречавшийся и около часа беседовавший с ним однажды в его кабинете, когда он еще был первым секретарем компартии Грузии, кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС?

В то время я работал первым заместителем заведующего Отделом комсомольских органов ЦК ВЛКСМ. В Грузии находился с бригадой работников ЦК по проверке работы комсомола этой республики. И вот она закончилась. О результатах следовало доложить первому секретарю ЦК КП Грузии Шеварднадзе. Готовясь к беседе с ним, я долго выпытывал у первого секретаря ЦК комсомола Грузии Джумбера Патиашвили: что за человек — Шеварднадзе? Как строить с ним разговор об итогах проверки грузинского комсомола, дела в котором выглядели неважно? Патиашвили долго юлил, пока я не сказал ему: «Слушай, Джумбер, ведь если я расскажу ему всю правду, он может «отвинтить» тебе голову. Может?» — «Может», — вздохнул Джумбер. «Тогда говори начистоту». — «Хитрый, жестокий и мстительный, — выдохнул Джумбер. — Много врет».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Струоб Тэлботт — видный американский политик. Он двадцать один год проработал в журнале «Тайм», после чего поступил на государственную службу в качестве специального советника Госсекретаря США по вопросам новых независимых государств на постсоветском пространстве. Позже С. Тэлботт стал заместителем Госсекретаря США (1994–2001), с 2002 г. — президент Брукингского института в Вашингтоне.

Майкл Бешлосс — американский историк и политолог, автор нескольких книг о советско-американских отношениях, внешней политике США.

В книге «Измена в Кремле» М. Бешлосс и С. Тэлботт рассказали о том, как администрация президента Буша упорно и целенаправленно готовила развал Советского Союза, не стесняясь при этом в применении любых средств. В книге приводятся секретные послания и телефонные разговоры между Бушем и Горбачевым, Бейкером и Шеварднадзе, стенограммы закрытых заседаний в Кремле, Белом доме, Пентагоне, ЦРУ и КГБ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бешлосс, М., Тэлботт, С. (2010) *Измена в Кремле: протоколы тайных соглашений Горбачева с американцами*. М. : Алгоритм. 352 с.

Ильинский, И. М. (2024) *Перестройка» как заговор* : в 2 кн. Книга вторая: А. Яковлев, М. Горбачев, Э. Шеварднадзе. М. : Издательство Московского гуманитарного университета. 504 с.

Мэтлок, Дж. Ф. (2003). *Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза* / пер. с англ. Т. Кудрявцевой, В. Мисюченко. М. : Рудомино (ОАО Тип. Новости). 579 с.

Шеварднадзе, Э. (2009) *Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания* / пер. с нем. Г. Леоновой. М. : Европа. 428 с.

Дата поступления: 02.03.2025 г.

“PERESTROIKA” AS A CONSPIRACY. “COMRADE” E. SHEVARDNADZE

I. M. ILINSKY

MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

The paper is devoted to the role that the Minister of Foreign Affairs of the USSR in M. S. Gorbachev's government played in the dissolution of the Soviet Union. When judging that role, the president of Moscow University for the Humanities I. M. Ilinsky proceeds from his concept of “perestroika as a conspiracy”. The author shows the role that Shevardnadze played in implementing the unprecedented concessions to the West (primarily the USA) which were made by the USSR in the late 1980s and which undermined the military and political balance between the two great powers of the time and inflicted irreparable damage to the national interests and defense capacity of the country. At the same time, the author draws, among others, on the important sources on this subject by American authors — S. Talbott and M. Beschloss.

Keywords: USSR; USA; foreign policy; perestroika; Gorbachev; Shevardnadze

REFERENCES

Beshloss, M., Telbott, S. (2010) *Izmena v Kremle: protokoly tainykh soglasheii Gorbacheva s amerikantsami*. Moscow, Algoritm. 352 p.

Il'inskii, I. M. (2024) *Perestroika kak zagovor : in 2 books. Kniga vtoraiia: A. Iakovlev, M. Gorbachev, E. Shevardnadze*. Moscow, Moscow Univ. for the Humanities. 504 p.

Metlok, Dzh. F. (2003). *Smert' imperii. Vzgliad amerikanskogo posla na raspad Sovetskogo Soiuza* / transl. from English. Moscow, Rudomino (OAO Tip. Novosti). 579 p.

Shevardnadze, E. (2009) *Kogda rukhmul zheleznyi zhanaves. Vstrechi i vospominaniia* / transl. from German. Moscow, Evropa. 428 p.

Submission date: 02.03.2025.

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, президент Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Российская Федерация, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-78-78. Эл. адрес: iilinskiy@mosgu.ru

Ilinsky Igor Mikhailovich, Doctor of Philosophy, Professor, President, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-78-78. E-mail: iilinskiy@mosgu.r